

Н. Д. Аллакин

БОРЬБА ЗА КОЛХОЗ

Воспоминания о социалистической колхозификации деревни

Весной 1930 года в деревне происходили события огромной важности. Партия и правительство проводили большую, напряженную работу по перестройке сельского хозяйства на колхозный лад.

Мне, непосредственному участнику колхозификации, пришлось многое испытать, увидеть, прочувствовать. Было всякое в работе: удачи и неудачи, горести и радости.

В своем кратком воспоминании я хочу остановиться лишь на одном эпизоде, который у людей старшего поколения воскресил бы в памяти это бурное время, а молодому дал живое свидетельство о событиях, связанных с колхозификацией деревни.

Весной 1930 года я работал заместителем секретаря Чембарского райкома партии. Чембарский район тогда входил в состав Средне-Волжской области (ныне это Белинский район Пензенской области).

Район глубинный — 50 километров от железной дороги, свыше 500 километров от областного центра, с относительно высоким процентом кулацких хозяйств. Кроме того, на его территории скрывались остатки эсеровско-кулацких банд Антонова, разгромленных в 1920—1921 годах на Тамбовщине.

Трудности в работе были огромные. Шла большая работа по подготовке к весеннему севу первой колхозной весны. В нашем крае свыше сорока колхозов района готовились к севу: сортировали семена, заканчивали ремонт инвентаря, готовили тягловую силу, подбирали кадры и расставляли их по участкам.

Казалось, все шло нормально. И вдруг в начале апреля из большого татарского села Мачалейки, расположенного в 30 километрах от районного центра, район получил тревожный сигнал: колхозники группами стали выходить из колхоза, требовали обратно семена, засыпанные в общественные амбары. Некоторые даже угрожали разгромить амбары. Колхоз оказался на грани распада, а весенний сев — под угрозой срыва.

Чувствовалось, что здесь не обошлось дело без какой-то большой провокации. И тогда бюро райкома приняло решение немедленно трем

его членам выехать в колхоз, разобраться и принять необходимые меры на месте, в зависимости от обстановки.

Рано утром я и еще два товарища — заведующий райфо Макушкин и начальник административного отдела райисполкома Васильчук — выехали в село Мачалейку. Путь предстоял по бездорожью. Начался весенний паводок, вскрывались реки. Мы еле-еле пробирались на паре орловских рысаков цугом.

И вот, не доехая 5 километров села Мачалейки, остановились у реки Сулак. Наст рушился. Лед на реке вздулся и начал ломаться, у берегов образовались полыни. Ехать, казалось, дальше нельзя. Но мысль о том, что там, за рекой, колхоз может распасться, заставила нас принять решение переправляться во что бы то ни стало. Ездовой у нас был опытный — бывший кавалерист. Он во всю мочь разогнал лошадей, и наши санки, словно по воздуху, пролетели полынью и оказались на льду на середине реки. И когда до берега оставалось буквально 10—15 шагов, лед не выдержал нагрузки — треснул и начал тороситься, а лошади и мы в санях стали погружаться в воду.

Казалось, катастрофа была неминуемой, но наш ездовой не растерялся: он быстро прыгнул на лошадь, обрезал гужи и постремки, а мы, ухватившись за их концы, вместе с лошадьми, которых вплавь вел ездовой по направлению к берегу, карабкаясь, кое-как вылезли на берег. Наши санки унесло по течению вместе с отколовшейся льдиной.

Вечером того же дня мы были в селе. Немного отогрелись, просушили одежду и уже поздним вечером собрали коммунистов, затем беспартийных активистов — крестьян-бедняков и середняков и выяснили обстановку.

Правление колхоза не удалось собрать: оно было настолько деморализовано, что фактически прекратило работу.

Картина открылась довольно тяжелая: партийная ячейка (3 человека) во главе с секретарем Бабаевым массовой политической работы почти не вела: важнейшие документы партии, опубликованные в печати, не разъясняла, организаторской работы по подготовке к севу не развернула, а свое руководство свела к окрикам, что вызвало известное недовольство среди колхозников. Этим не замедлили воспользоваться враги Советской власти — оставшиеся в селе кулаки, притягившиеся остатки банд Антонова и Шохина.

Муллы в мечетях призывали крестьян к выходу из колхоза. Извратив смысл опубликованных в газетах материалов по колхозному строительству, они «разъясняли» крестьянам, что, мол, колхоз в селе создан неправильно, что от него теперь якобы отказываются, а семена, засыпанные к севу, Бабаев хочет отправить в район, и село останется без хлеба и т. д.

На другой день рано утром на улицах стали толпами собираться крестьяне и горячо что-то обсуждать. Впоследствии мы узнали, что некоторые из них призывали самовольно открывать амбары и растаскивать семена, а с колхозного двора увести лошадей и забрать инвентарь.

Мобилизовав весь актив села, мы стали разъяснять линию партии по вопросу о коллективизации, разоблачая ложь и обман антikолхозной пропаганды враждебных элементов. Не обошлось и без того, что некоторых наших товарищ, по науськиванию, избили. Но все же к вечеру стало заметно, что озлобление постепенно улеглось, многие крестьяне стали прислушиваться к нам.

На третий день утром мы собрали общее собрание колхозников. Присутствовало более 500 человек, много было женщин. Собрание проходило бурно: многие колхозники обвиняли колхозное руководство в допущенных ошибках, в администрировании. Но раздавались и злобные голоса врагов, пытавшихся вновь разжечь страсти против Советской власти, сыграть на ошибках местных руководителей и развалить колхоз. Мне и моим товарищам пришлось выступать по несколько раз, разъяснять политику партии в деревне и сущность допущенных в этом колхозе ошибок и призывать сохранить колхоз.

К вечеру собрание закончилось. Было решено: колхоз сохранить, но те, кто не желает в нем состоять, могут выйти. Избрали из колхозников охрану к амбарам, где хранились семена. Последнее было принято для успокоения тех, кто поверил провокационным слухам о том, что семена от них увезут. Подавляющее большинство семей осталось в колхозе.

Райком и райисполком оказали помощь селу в подготовке к севу: выделены дополнительно семена, плуги, сеялки.

Было заменено руководство партичкой. Мы привлекли к участию в работе правления колхоза беспартийных колхозников, особенно сердняков и женщин.

Постепенно колхоз начал набирать силы. Весенний сев провели успешно. Некоторые крестьяне, ранее вышедшие из колхоза, после успешного проведенного сева вернулись в него.

Я был на весеннем севе в этом колхозе и видел, как дружно шла работа. Колхозники уже в первый весенний сев оценили преимущества коллективного труда.

Рождалась новая, колхозная жизнь, утверждались новые социалистические отношения в деревне. Уходило в вечность старое: «Каждый за себя, а бог за всех». Отступали нужда и невежество, наступал конец кулацкой кабале.

Первая колхозная весна была преддверием новой светлой жизни советской деревни.